

Е.А. Земская. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. М.: Языки славянской культуры, 2004. 688 с. (Studia philologica).

В рецензируемой монографии Е.А. Земской обобщены результаты многолетних исследований автора, посвященных широкому кругу проблем. Многие результаты этих исследований уже публиковались в различных изданиях, и знакомство с ними составляет необходимую часть общелингвистической подготовки. Однако внимательное прочтение позволяет установить, что ряд параграфов написан специально для монографии “Язык как деятельность”, многие из опубликованных ранее работ были существенным образом переработаны для данной публикации; а самое главное состоит в том, что, будучи собранными вместе, эти работы создают совершенно новое качест-

во, складываясь в единую и непротиворечивую систему взглядов на функционирование языка.

Книга состоит из “Введения” и четырех частей. В конце каждой части приводится “Библиографическая справка”, где автор скрупулезно отмечает, написан тот или иной параграф специально для этой монографии или подготовлен на основе ранее опубликованных работ. Кроме того, после каждой части приводится чрезвычайно полезный список “Литературы”, включающий как ставшие к настоящему времени классическими работы отечественных и зарубежных исследователей, так и новые, зачастую еще не всеми признанные исследования. Композиция книги в какой-то мере отра-

жает научный путь автора, показывая основные направления его творческих поисков¹. Особое внимание в монографии уделяется исследованию языка как деятельности. Изучается система языка в ее динамике, тенденции и общие закономерности развития языка, причины языковых изменений. В книге рассматривается и языковое поведение языковых единиц, меньших чем слово, и функционирование отдельных сфер языка (язык газет, язык города, детская речь, язык русского зарубежья).

Первая часть книги “Морфема и слово” посвящена комплексу проблем, связанных со строением и семантикой производных слов и теории синхронного словообразования. В первой части – четыре главы: “Морфемная и доморфемная структура слова”, “Строение системы синхронного словообразования”, “Классы производных слов” и “Некоторые вопросы теории”. Отметим, что Е.А. Земская считает “неправильным называть словообразование особым уровнем языка. Словообразование составляет с морфологией единый уровень языка (морфемный) и представляет собой особую и очень важную подсистему языка, тесно связанную с морфологией и лексикой. Оно имеет свою сложную иерархическую организацию и свой набор простых комплексных единиц” (с. 198). Земская выделяет пять функций словообразования: собственно номинативное словообразование, конструктивное словообразование, компрессивное словообразование, экспрессивное словообразование, стилистическое словообразование. При собственно номинативном словообразовании производное создается для наименования какой-то реалии, часто новой, или для “переименования” старой – предмета, действия, признака: *луноход, компьютерное обучение*. При “конструктивном словообразовании” производное создается в целях изменения структуры речи: происходит свертка пропозиции, упрощается синтаксическое построение речи; сюда относится образование отглагольных существительных со значением отвлеченного действия, отадъективных существительных со значением отвлеченного признака, наиболее активны при этом суффиксы *-ость, -ние*. “Компрессивное словообразова-

ние” служит целям сокращения уже имеющихся в языке номинативных единиц: *пятиметрика, обменник*. При “экспрессивном словообразовании” производное создается для выражения субъективного отношения говорящего, его оценки по отношению к тому, что именуется, или к адресату речи, его микромиру: *старушечья, здоровышко, понедельник*. Наконец, при стилистическом словообразовании производное имеет ту же денотативную соотнесенность, что и производящее, отличаясь от него лишь стилистической окраской: *табурет – табуретка, колено – коленка, тетрадь – тетрадка*² (с. 199–202). Интересно, что Е.А. Земская, один из основоположников теории русского словообразования и автор учебника “Современный русский язык: словообразование” (М., 1973), по которому уже свыше тридцати лет учатся студенты тысяч вузов, с явным интересом воспринимает новые и нетрадиционные теории словообразования. Так, она считает плодотворным применение к словообразованию идей логического и коммуникативного синтаксиса и использование в словообразовании понятия “пресуппозиция”.

Вторую часть книги, озаглавленную “Сферы языка”, открывает написанная в соавторстве с Л.П. Крысиным обзорная статья “О Московской школе функциональной социолингвистики”. В этой небольшой статье формулируются основные положения этого научного направления, которые во многом определили развитие русистики в двадцатом веке: “1) Русский литературный язык существует в двух разновидностях – кодифицированной (КЛЯ) и разговорной (РЯ). Различие между этими разновидностями столь существенны, что это позволяет их рассматривать как разные языковые системы. КЛЯ и РЯ имеют принципиальные различия на всех уровнях: фонетика, морфология и словообразование, синтаксис, лексика и способы номинации. Специфика РЯ наблюдается как в наборе единиц, так и в их соотношении и функционировании. 2) Носитель литературного языка (один и тот же человек!) в разных условиях общения пользуется то одной, то другой системой. 3) Условия функционирования языка выступают как фактор, формирующий систему языка” (с. 240). Далее во второй части книги рассматриваются

¹ Мы ощущали некоторую неловкость, используя личное местоимение третьего лица для анафорической отсылки к автору. Примечательно, что это затруднение было предусмотрено и отчасти разрешено в самой книге: как отмечает сама Е.А. Земская, носители русского языка “считают, что употребление формы муж. рода – имен лиц по отношению к женщинам вежливее, официальнее, чем формы женского рода” (с. 435).

² Кроме того, к стилистическому словообразованию Е.А. Земская относит случаи, когда стилистический член противопоставления не является дериватом своего коррелята, а находится с ним в иных отношениях, чаще всего – в отношениях кодеривации (*похоронить – захоронить, взвесить – завесить*).

виды городской устной речи (русский литературный разговорный язык, городское просторечие и жаргон), детская речь, язык русского зарубежья. Завершает эту часть новаторское для отечественной русистики исследование особенностей мужской и женской речи (этот раздел написан в соавторстве с М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой).

В третьей части книги исследуются активные процессы, происходящие в русском языке на рубеже XX–XXI вв. Для того чтобы оценить состояние русского языка на рубеже третьего тысячелетия, Е.А. Земская предлагает разграничивать три вида процессов: изменения в условиях функционирования языка, в построении текста и в системе языка. Отмечается, что если условия функционирования языка, действительно, кардинально изменились в течение последнего двадцатилетия, то изменения в системе языка намного менее заметны и трудноуловимы. Большие изменения наблюдаются также в построении текста: с одной стороны, из текстов уходят бюрократические, казенные элементы, с другой – в центр языковой системы перемещаются лексические элементы из периферийных сфер языка: жаргон, разговорные элементы, просторечие. “Сниженные” слова, слова общего жаргона широко употребительны в языке газет, в теле- и радиовещании, и в речи образованных слоев населения, они активно применяются как средство экспрессии. Другой важный лексический пласт современных текстов – иноязычные элементы: для русского языка конца двадцатого века характерен интенсивный процесс заимствования иностранных, прежде всего английских слов. Весьма характерной особенностью современных текстов является также интертекстуальность (“цитатность”, “инкрустации”). Это явление распространяется и на обычный повседневный язык, и на язык средств массовой коммуникации, и на тексты художественной литературы. Обычно цитаты и инкрустации вводятся в текст без всяких отсылок. Адресат должен уметь их вычленивать, понять их происхождение, их первоначальный смысл и тот смысл, который они получают в новом окружении. Строение современного дискурса характеризует рост личностного начала и диалогичности, а также такие явления, как “стёб” и “ёрничество”.

Четвертая часть книги посвящена проблемам коммуникативно-прагматического характера: в ней рассматривается категория вежли-

вости как важнейший регулятор речевого поведения человека и строится типология коммуникативных неудач (раздел, посвященный типологии коммуникативных неудач написан в соавторстве с О.П. Ермаковой). Автор приходит к выводу, что “в каждом языке и культуре формируется свое представление о вежливости” (с. 581). В связи с этим можно заметить, что в некоторых случаях приводимый материал, возможно, требует более тонкого инструмента анализа, нежели язык бинарных противопоставлений, используемый автором (вежливость/грубость, скромность/нескромность, прямота/учтивость), поскольку данные категории по-разному преломляются в различных языках и культурах (ср. используемый Анной Вежибской язык “культурных скриптов”). Однако и в рамках используемого подхода автору удалось сделать целый ряд нетривиальных наблюдений, касающихся представлений о вежливости, специфичных для русского языка и культуры.

Книга написана на богатейшем языковом материале: как традиционном (языке художественной литературы и средств массовой информации), так и нетрадиционном, который ранее не попадал в поле зрения лингвистов. Это собранный автором методом полевых исследований материал разговорной речи образованных носителей языка и носителей городского просторечия, материалы языка русской эмиграции, прекрасного, но, по выражению Владимира Набокова, “застывшего как мороженая клубника”, и живого, хотя подчас и вульгарного “общего жаргона”. Исследования Е.А. Земской создали в русистике, и шире – в науке о языке – целый ряд новых направлений и ввели в научный обиход множество новых понятий и терминов.

На обложке книги Е.А. Земской не случайно помещен рисунок Пита Мондриана “Дерево Г”: многочисленные и разнообразные статьи автора подобно ветвям растут из единого ствола, являются не отвлеченными сухими теориями, а живыми, зеленеющими побегами дерева науки о русском языке. При чтении книги невольно вспоминаются строки стихотворения М.В. Панова “Сера наука...”: “...Сера наука? / Гетева, может быть, сера, / А наука, которая впрямь наука, – /зеленое, /ласковое, /звующее дерево”.

Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев